

ПОЛИТИКА ЖИЗНИ В СТРУКТУРАХ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО БЫТИЯ

Представлен анализ проблемы политической жизни социальных индивидов в постполитическом пространстве. Утверждается положение о том, что в современном индивидуализированном обществе повседневная жизнь индивидов организуется властью на основе моделей паноптикона и синоптикона, каждая из которых инициирует появление состояния а-политичности граждан. Показано, что политика жизни как осмысленное состояние самоопределяется в пограничных ситуациях, когда затрагивается основополагающее право на жизнь.

Ключевые слова: права человека; житейская политика; *homo sucer*; *homo sacer*; паноптикон; синоптикон; политика жизни.

Одной из основных проблем существования в постполитическом обществе является задача различения прав человека и прав гражданина. В обществе, где отсутствует различие между повседневной (*zoe*) и социальной (*bios*) жизнью, утрачивается последняя возможность возникновения политики. Политика с большой буквы, предполагающая активное участие граждан, заменяется «житейской политикой», которая определяет жизненную стратегию граждан в повседневной жизни. «Житейская политика» ограничена сферой частных потребностей индивидов, основной из которых является достижение и приумножение материального достатка.

Права человека формально уравнивают социальных индивидов в их праве на самореализацию собственной жизненной стратегии, но фактически разделяют индивидов по уровню жизненных возможностей, которые выражаются в экономических способностях индивидов. Социальное разделение определяется степенью рациональности экономического поведения, ориентированного на повышение уровня дохода. В частной жизни индивид сам для себя становится инвестором, принимающим на себя инвестиционные затраты по повышению экономической эффективности собственной жизни. В современном обществе экономическая эффективность индивидов определяется степенью реализации потребительской свободы. «Рыночная ориентация индивидов, стремящихся к удовлетворению своих постоянно растущих потребностей, – пишет З. Бауман, – вот все, что требуется для социальной интеграции» [1. С. 106].

Способность индивида быть потребителем начинает определять и меру социальной полезности его жизни. Социальная жизнь разделяется на основе принципа экономической эффективности и маркируется фигурами *homo sucer* и *homo sacer*, которые являются не индивидуализированными персонами, а определенными социальными группами, демонстрирующими различную степень реализации прав человека в обществе, которое утрачивает исходную дистанцию между повседневной (*zoe*) и социальной (*bios*) жизнью.

В современном обществе *homo sacer* персонифицируется жизнью «бедняка», чье «несовершенство» состоит в очевидной неспособности использовать во благо своей жизни предоставленные возможности. В любой период «бедняк» идентифицируется при помощи общей жизненной формы, которая определяется низким уровнем дохода и маленьким объемом имущества, недостаточными для удовлетворения даже самых элементарных, жизненно необходимых потребностей.

Стандарт жизни таких людей настолько низкий, что он исключает людей из того общества, в котором они живут. «Бедный человек, – пишет З. Бауман, – это тот человек, который не может включиться в социальное поведение, признанное надлежащим для “нормального” члена общества» [Там же. С. 110]. Имя «бедняк» становится общим и / или родовым именем, посредством которого обозначается «голая жизнь» (*zoe*) тех, кто просто живет и воспроизводит себя. Если имя «пролетарий» связывалось с фабричным производством и трудом, то «бедняк» оказывается предельным именем, обозначающим недифференцированную массу неимущих. Основополагающее право человека на жизнь осуществляется в результате специального решения государственной власти. Жизнь *homo sacer* переходит в поле бюрократического контроля и надзора государственной власти, где «бедняк» становится «клиентом социальных служб». Бюрократическое регулирование жизни массы неимущих по своей сути является современным, технологическим вариантом паноптической техники наблюдения.

Паноптикон представляет собой обобщенную модель функционирования дисциплинарных механизмов власти, контролирующей повседневную жизнь индивидов (М. Фуко). Паноптическая модель оказывается инструментом постоянного, исчерпывающего и вездесущего контроля власти, разделяющей общество на контролирующее меньшинство и поднадзорное и / или контролируемое большинство. Универсальность паноптической модели заключается в том, что эта модель действует в двойном режиме одновременного «включения» и «исключения». Включение в поле бюрократического контроля одновременно означает «исключение» «клиентов социальных служб» из того общества, в котором они живут. «Клиенты социальных служб» утрачивают статус социального субъекта, т.е. лишаются личной автономии и индивидуальной свободы. В системе паноптикона объективация становится механизмом подчинения властью жизни поднадзорной и / или контролируемой части общества. «Клиенты социальных служб» объективируются и овеществляются в контролируемых порядках государственной заботы о «бедных».

Бюрократический механизм контроля основывается на S – O взаимодействии, поддерживающем асимметрию отношений на основе принципа «видеть – быть видимым». Проникновение в объект наблюдения осуществляется посредством приведения объекта к полной прозрачности социальной жизни, или абсолютной

наблюдаемости. Обращение контролирующего взгляда внутрь объекта сопровождается установлением границ, каждая из которых как бы снимает «покров» с социальной жизни индивида. Контролирующий взгляд наблюдателя индивидуализирует объект наблюдения таким образом, что внутреннее пространство поднадзорной и / или контролируемой жизни разграничивается до нижнего предела, представленного состоянием «голой жизни» (zoe). Предельным воплощением «голой жизни» оказывается жизнь «бедняка», которая утратила экономический и социальный уровни значимости. «Голая жизнь» обозначает простой факт существования, общий для всех живых существ.

В бюрократической системе контроля бедности функцию непосредственного надзора выполняет инспектор, который выступает в роли эксперта, обладающего специальными знаниями, позволяющими определять порог бедности, т.е. разделять подлинные потребности и прихоти, бережливость и расчетливость, разумность и неразумие, «нормальное» и «безумное». В контролируемых порядках государственной заботы о «бедных» инспектор начинает функционировать как большой «Субъект, предположительно знающий». Предполагается, что такой субъект знает об индивидуальных потребностях и нуждах «клиентов социальных служб» нечто большее, чем они сами знают о себе. Бюрократический контроль жизни исключает существование непроницаемого частного пространства, не находящегося или не поддающегося наблюдению. Инспектор как «Субъект, предположительно знающий» организует повседневную жизнь своих клиентов на уровне элементарных потребностей. Бюрократическое регулирование повседневной жизни проникает в самые интимные области существования социальных индивидов. «Их расходы, меблировка, одежда, пища, стиль жизни тщательно контролируются, — пишет З. Бауман, — их приватность произвольно нарушается незапланированными визитами специалистов по здравоохранению, гигиене, образованию; выплата пособий предоставляется только в обмен на полную исповедь и предъявление самых интимных аспектов жизни назойливым чиновникам; и в итоге выплаты устанавливаются на таком уровне, который не оставляет места усмотрению и выбору получателей, допуская только предметы самой первой необходимости» [Там же. С. 91].

Бюрократический контроль приводит поднадзорного в состояние постоянной видимости, означающей, что «клиенты социальных служб» должны постоянно чувствовать себя под наблюдением. Жизнь в состоянии тревожного осознания поднадзорности означает, что «клиенты социальных служб» никогда не должны знать, наблюдают ли за ними в конкретный момент времени, но при этом должны быть уверены, что такое наблюдение всегда возможно.

Система паноптикона обеспечивает автоматическое функционирование власти. Автоматизм достигается посредством контроля собственных механизмов наблюдения. Паноптикон производит непрерывную последовательность взглядов, совпадающую с процессом бюрократизации самой власти. Бюрократический контроль способствует нарастанию иерархии наблюдателей, в которой верхний уровень осуществляет надзор

за каждым последующим — нижним уровнем. Иерархия наблюдателей, олицетворяющая тотальность «взгляда» власти, приводит общество к состоянию предельной прозрачности и видимости. Абсолютная проницаемость власти сопровождается тем, что определенность властного субъекта постепенно «размывается», растворяется в процедурных правилах контроля. Власть превращается в безлично-анонимную субстанцию, абсолютно равнодушную к объектам государственной заботы. «Объекты забот все более соотносились с различными правовыми категориями, — пишет З. Бауман, — и процесс “стирания лица”, присущий всякой бюрократии, был приведен в движение» [2. С. 100]. Всю полноту ответственности за собственное существование «клиенты социальных служб» передают государственной власти. Власть избавляет их от социальной ответственности и обеспечивает минимальный уровень дохода, необходимый для биологического / природного воспроизводства «голой жизни».

Бюрократическая регламентация жизни обездоленных изолирует своих поднадзорных, которые лишаются всяких человеческих контактов внутри общества. «Самый заметный аспект жизни в бедности, — пишет З. Бауман, — это самоустранение бедняков из социального взаимодействия, тенденция рвать старые социальные связи, скрываться из публичных мест в собственный дом, который превращается в убежище от реальной или воображаемой угрозы общественного осуждения, насмешки или жалости» [1. С. 111]. Зависимость «голой жизни» от внешнего поведенческого контроля власти вынуждает «клиентов социальных служб» оставаться социально пассивными и политически индифферентными, бесконечно нуждающимися в инспекторе.

Социальная субъективность «клиентов социальных служб» растворяется в состоянии «житейского страха» (Furcht) как страха утраты жизни как таковой (М. Хайдеггер). «Житейский страх» оказывается предельным состоянием повседневности, которое обнаруживается тогда, когда снимаются слои, или «покровы», социального существования. Приближение к основанию необходимо должно завершиться возникновением страха, который является предельной точкой. В состоянии предела, совпадающего с существованием в «голой жизни», «житейский страх» оказывается нерелевантным чувством, которое не осмысливается, а переживается. Отсутствие рефлексии позволяет страху бесконечно длиться, постепенно переходить в ужас.

На биологическом / природном уровне социальное существование homo sacer превращается в борьбу за выживание, в которой человек максимально сближается с животным. «Исключенные» прибегают к единственно имеющимся в их распоряжении средствам, каждое из которых связано с насилием. В борьбе за выживание постепенно стирается какое-либо различие между бедняком и преступником, т.е. паноптическая модель на пределе формирует навыки и привычки, типичные для пениitenciарной среды. «Наиболее распространенные категории преступников, “выставленных” на всеобщее обозрение, — пишет З. Бауман, — почти исключительно относятся к “низам” общества» [3. С. 176]. Таким образом, паноптическая модель демонстрирует социальную жизнь в обществе контроля, в

котором бюрократический надзор за «голой жизнью» осуществляется на основе механизмов исключения, изоляции и отбраковки. «Исключенные» в пределах общества социальные индивиды существуют на «нулевом» уровне социальной субъективности, где их борьба за выживание превращается в «войну всех против всех» (Т. Гоббс).

В современном обществе альтернативой «образу жизни» *homo sacer*, существующему под надзором и контролем бюрократической власти, является «жизнеспасительная политика» *homo sacer*, «озабоченного» личным благополучием. Отдавая приоритет сфере «частных» интересов, *homo sacer* сознательно отказывается от какого-либо активного участия в политической жизни общества. Социальное бытие индивидов, удерживающих дистанцию от политики, предстает в форме кинизма. Позиция кинизма демонстрирует аполитичность *homo sacer*. В форме кинизма социальная субъективность индивидов выражается в ироническом и саркастическом отношении к власти. Классическая киническая процедура заключается в противопоставлении фразерства господствующей власти удовольствиям повседневной жизни. «Когда политик превозносит патристическую жертвенность как гражданский долг, — пишет С. Жижек, — кинизм выставляет напоказ персональную выгоду, извлекаемую им из чужой жертвенности» [4. С. 37].

В настоящее время власть сама не только позволяет индивидам относиться к ней с определенной долей иронии, но и провоцирует их на такое отношение. Вырабатываются новые технологии власти, которые позволяют вести наблюдение большинству общества за меньшинством. Практика направленного взгляда / наблюдения большинства общества за меньшинством является системой синоптика (Т. Матисен). Система наблюдения, обозначенная греческим словом *sinoptikos* — «обозримый / дающий обзор», — открывает возможность наблюдать за жизнью институциональных элит. Меньшинство, за которым наблюдает большинство общества, принадлежит к институциональным элитам, занимающим руководящие позиции в политической жизни, частном предпринимательстве и государственной бюрократии и т.д. «Те немногие, что становятся объектом наблюдения, — пишет З. Бауман, — относятся к категории знаменитостей. Они могут принадлежать к миру политики, спорта, науки или шоу-бизнеса или просто быть знаменитыми специалистами — «информационниками». Однако все знаменитости, попадающие на экран, кто бы они ни были, занимаются демонстрацией мира знаменитостей — мира, чьей главной отличительной чертой является как раз то, что за ними наблюдает множество людей во всех уголках света... О чем бы они ни говорили с экрана, они выражают идею тотального образа жизни. Их жизни, их образа жизни» [3. С. 78–79].

Синоптическая модель «исключает» какое-либо активное участие социальных индивидов в политике, превращает их в зрителей — постоянно меняющуюся телеаудиторию медиатехнических инсценировок. *Homo sacer* существует в «обществе спектакля», в котором интерес к политике поддерживается на уровне любопытства. Общество «соблазняется» массмедий-

ными инсценировками, но там, где возникает ситуация «соблазна», мышление со-вращается и вовлекается в бессознательный / неосознаваемый поток желаний (Ж. Бодрийяр). Поток желаний совпадает с процессом наслаждения / удовольствия, которое мышление получает от собственной бес-смысленной и / или безмысленной деятельности, демонстрирующей истощенность желания общества мыслить.

Система синоптика стремится максимально приблизить наблюдателей к объекту наблюдения, проникнуть в частное пространство посредством показа подробностей интимной жизни тех, кто принадлежит к наблюдаемому меньшинству — институциональным элитам. Считается, что чем больше средства массовой информации уделяют внимания подробностям частной жизни того или иного представителя институциональных элит, тем большее любопытство она вызывает в обществе и тем более знаменитым он становится. Знаменитость уподобляется «звезде», максимально удаленной от жизни большинства общества. В массмедийных сценариях — «частная жизнь знаменитостей» — «звезда» олицетворяет собой другую жизнь.

Доступ к наблюдению другого стиля жизни открывают массмедиа, которые выполняют функцию «большого Другого» (С. Жижек). В системе синоптика «большой Другой» замещает наблюдателя. Ситуация замещения инициирует возникновение феномена смещенных / перенесенных эмоций — «смех за кадром» на телеэкране, который происходит из традиции «плакальщиц» (женщин, нанимаемых оплакивать покойников на похоронах). Получая удовольствие посредством «большого Другого», наблюдатель занимает интерпассивную позицию. Массмедиа позволяют большинству общества избежать роли пассивных зрителей, поскольку лишают наблюдателя собственной пассивной реакции. В эпоху господства массмедийных технологий интерпассивность становится формой проявления активности посредством «большого Другого». Оставаясь пассивным, наблюдатель получает удовольствие от наслаждения, которое испытывает Другой вместо него. Освободительный потенциал возможности наслаждения посредством Другого (т.е. освобождения удовольствия и смещение его на Другого) заключается в признании того, что само по себе удовольствие не бывает непосредственным, спонтанным состоянием. Непосредственное наблюдение за интимными подробностями жизни является источником избыточного наслаждения, которое переживается наблюдателем как постыдное и болезненное любопытство. Интерпассивность осуществляет жест переноса, т.е. оказывается формой защиты наблюдателя от обязанности получать непосредственное удовольствие. Наблюдатель передает удовольствие «большому Другому», который вместо него наслаждается — смеется, страдает и т.д. «В отличие от распространенного представления, согласно которому новые медиа превращают нас в пассивных потребителей, — пишет С. Жижек, — просто слепо пялящихся на экран, следует заявить, что так называемая угроза новых медиа заключается в том, что они лишают нас нашей пассивности, нашего аутентичного пассивного опыта, и тем самым подталкивают нас к бессмысленной маниакальной активности» [5. С. 44].

Система синоптика позволяет удерживать большинство общества на расстоянии таким образом, что оно может видеть, а значит, наслаждаться и удовлетворять свое любопытство только тем, что показывают средства массовой информации. Фиксируя внимание на личной стороне жизни политика, массмедиа оставляют вне поля зрения общественные проблемы, касающиеся принципов совместной жизни. В синоптической модели S – O взаимодействие, базирующееся на основе принципа «видеть – быть видимым», задается в обратной перспективе. Стремление наблюдателей максимально приблизиться к частной жизни (zoe) оборачивается наращиванием покровов над социальной жизнью (bios) институциональных элит. Модель синоптика, удерживающая большинство общества на расстоянии, предоставляет власти свободу и позволяет ей действовать в личных, сугубо корыстных интересах, которые власть стремится представить как «государственные интересы».

Ирония социальных индивидов в отношении власти не затрагивает основы ее существования, но приводит к тому, что власть самоотстраняется от решения социальных проблем, снимает с себя всю меру ответственности за социальное существование. «Сегодняшние правительства больше заинтересованы в отсутствии недовольства, – пишет З. Бауман, – нежели в наличии поддержки. Пассивный гражданин идеально соответствует этим критериям, так как он воздерживается от причинения вреда; а помощи от него все равно не требуется, по крайней мере, в нормальных, мирных условиях. Уход от политики означает косвенное одобрение того типа правительства, которое может очень мало выиграть и очень много проиграть от активной вовлеченности своих подданных в процесс принятия политических решений» [1. С. 107]. Возникает своеобразная закономерность, согласно которой чем больше общество отходит от политики, тем более власть начинает действовать в собственных интересах и тем сильнее увеличивается зависимость социальной жизни от решений власти.

Зависимость повседневной жизни от власти лишает социального индивида чувства уверенности, безопасности и стабильности. Социальная неуверенность аналогична «умственной депрессии», которая выражается в ощущении бессилия как неспособности рационально мыслить, а значит, адекватно выстраивать свои жизненные стратегии. Жизнь homo sacer и homo sacer уравнивается в своей зависимости от власти, которая в современном обществе функционирует либо как механизм паноптика, либо синоптика. Это говорит о том, что оборотной стороной «общества контроля» яв-

ляется «общество спектакля», и в каждом из них действуют механизмы «исключения» из политической жизни.

В современном обществе возникает форма жизни, которая существует на пределе правовой определенности социального индивида. Предельно неопределенной в правовом отношении является жизнь «беженцев» (Дж. Агамбен) и «перемещенных лиц» (З. Бауман). В данном случае «перемещенные лица» и «беженец» являются терминами, пограничными самому понятию жизни, существующей в «изгнании». Поскольку «беженец» не имеет прав гражданина, постольку его существование сводится к «голой жизни», где естественная / биологическая жизнь индивида (zoe) и социальная жизнь гражданина (bios) отождествляются и перестают различаться (Дж. Агамбен).

В повседневной жизни сам факт перемещения, иницирующий жизнь в «изгнании», является показателем кризиса социального бытия. Радикальный кризис обусловливается не только «житейским страхом» за жизнь. «Житейский страх» (Furcht) потери определенных жизненных благ и жизни способствует появлению территориального переселения, которое только усиливает чувство страха и социальной неуверенности.

Кризис социального бытия иницирует возникновение и «онтологического страха» (Angst) утраты сущности человеческого существования, заключенного в мышлении и языке. Жизнь в изгнании оказывается таким предельным состоянием социального бытия, которое на пределе может также интерпретироваться и как выход «за»-пределы имманентности повседневной жизни. Процесс трансценденции в пределах имманентности открывает онтологический уровень социального бытия в символическом пространстве жизни, где осуществляется единственное суверенное право на жизнь как осмысленное социальное существование, которое в ситуации кризиса приобретает политический смысл. Выход «за»-пределы имманентности повседневной жизни является рефлексивным актом, в котором реализуется принцип свободы мышления. В опыте преодоления границ частной жизни общество способно утверждать себя как политическое со-общество, осознающее зависимость жизни от политики. Отказ от осмысленного социального существования снимает ответственность с общества за собственную социальную жизнь, но ставит под вопрос основополагающее право человека на человеческую жизнь. Отсутствие различий между правами человека и правами гражданина сводит социальное бытие к обнаженной «голой жизни», не имеющей никакого политического оправдания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Свобода. М. : Новое изд-во, 2006. 132 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004. 188 с.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Худ. журнал, 1990. 240 с.
5. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб. : Алетейя, 2005. 156 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 1 апреля 2014 г.

LIFE POLITICS IN THE STRUCTURES OF INDIVIDUALIZED EXISTENCE

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 70-74. DOI: 10.17223/15617793/382/11

Solovey Irina V. Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: soloveyIV1@mail.ru

Keywords: human rights; "homo sucer"; "homo sacer"; panopticon; synopticon; life politics.

The article is about modern society where the priority of the human rights over the citizen rights is established. The citizen rights set the limits on the existence of a social individual leaving only the natural right for life (zoe) which is realized in the sphere of personal needs. On the level of private life social individuals are divided into two categories: "homo sucer" and "homo sacer" differing by the scale of human rights realization in self-determination of their own lives. In modern society "homo sacer" is personalized by the "poor person", while "poverty" becomes the social state of everyday life pointing out the economic and social ineffectiveness of such people. The life of the poor person happens to be under control of the state power. The practice of steady and focused "watch" after the citizens who are "excluded" in the society is the system of panopticon (M. Foucault). "Clients of Social Services" delegate full responsibility for their social existence to the state power as the "Subject Supposedly Knowing" organizing their everyday life on the level of elementary needs. In modernity the alternative to "homo sacer" is the life of "homo sucer". The autonomy of "homo sucer" is realized within the limits of consumer freedom. Giving the priority to the private interests "homo sucer" voluntarily rejects active participation in the political life of the society. The ironic attitude to the political power keeps social individuals away from political life. New power technologies allowing the majority to watch over the minority are developed. The practice of directed "watching" of the majority of the society over the minority is the system of synopticon. Synopticon keeps the majority of the society at a distance allowing the society to watch only what is demonstrated by the Mass Media. Keeping the society away from political life gives freedom to the power. This allows acting for the benefits of this power. Social individuals' ironic attitude to the power does not affect the basis of this power but leads to its increasing influence on everyday life of individuals. The dependence of everyday life on political power decisions deprives an individual of the sense of safety and security. Individuals' striving for independence and self-government conduces the emerging of life that exists at the limit of legal certainty. The life of "refugees" is absolutely uncertain in legal terms (G. Agamben, Z. Bauman). The life of a "refugee" is similar to "banishment" as the limit state of social existence which at this borderline can be interpreted as "transition" beyond everyday immanence. The process of transcendence within immanence opens up thinking. Thinking helps to life politics to emerge as meaningful existence aware of the interrelation of politics and life.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Svoboda* [Freedom]. Translated from English by G.M. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 132 p.
2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos Publ., 2002. 390 p.
3. Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The Human Consequences.]. Translated from English. Moscow: Ves' mir Publ., 2004. 188 p.
4. Zizek S. *Vozvysheenny ob'ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ., 1990. 240 p.
5. Zizek S. *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm* [Interpassivity. Desire: attraction. Multiculturalism]. Translated from English by A. Smirnov. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2005. 156 p.

Received: March 27, 2014